

Андрей Ливадный

Деметра

Часть сборника
Райвен (сборник)

Экспансия: История Галактики

Андрей Ливадный

Деметра

«Автор»

1998

Ливадный А. Л.

Деметра / А. Л. Ливадный — «Автор», 1998 — (Экспансия: История Галактики)

Люди уже давно знают что три миллиона лет назад в космосе обитало три разумных расы, которых, как считалось, смела губительная миграция Предтеч. И вот внезапное открытие картографическим крейсером «Терра» потерянной колонии эпохи Великого Исхода опровергает утверждения историков. Часть цивилизации Инсектов уцелела и теперь их деградировавшие потомки ведут взаимоуничтожающую войну с людьми, вторично колонизировавшими их мир.

© Ливадный А. Л., 1998

© Автор, 1998

Содержание

Часть первая	5
ГЛАВА 1.	6
ГЛАВА 2.	22
ГЛАВА 3.	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Андрей Ливадный ДЕМЕТРА

Часть первая ДИТЯ БЕЗДНЫ

За какой-то чертой, средь незримых границ,
Где забытые силы оставили след,
Предначертан твой путь... Сотни каменных лиц
Смотрят с темных руин... Бездна прожитых лет
Исказила черты и растрескала лбы,
И фасетчатых глаз тусклый блеск неживой
Отражается в лужах стоячей воды,
В мире, что предначертан жестокой Судьбой...

* * *

Ты слабым был, когда пришел сюда...
Твои надежды рассыпались в пепел,
Смывала их осенняя вода...
И ты не вспомнишь – был ты... или не был?
А в памяти лишь боль... и холода...

ГЛАВА 1. АСТЕРОИДЫ.

– Папа, расскажи мне о звездах!

Антон повернулся на бок и посмотрел в дверной проем. Из смежной каюты, откуда на пол спальни через открытую дверь падал косо́й столб света, доносился тихий шелест регенератора воздуха. Отец, сидя за рабочей консолью, в задумчивости перебирал только что полученные прозрачные свитки курсовых карт.

– Мне некогда, сынок, – не поворачивая головы, ответил он.

– Ну па... ты же обещал! – В голосе десятилетнего мальчика не было капризных ноток, лишь непоколебимая детская уверенность в том, что взрослые ничего не обещают просто так. – Ты помнишь, вчера? – простодушно намекнул он.

Отец, все еще занятый своими мыслями, с вздохом отложил тонкие свитки недосмотренных курсовых распечаток и встал.

– Ну, хорошо, – согласился он, подсев на край детской откидной кровати. – Что тебе интересно?

– Все! – радостно встрепенулся Антон. – Все, что мне не говорят андроиды! – Он скорчил рожу, изображая лицевую пластину человекоподобного робота. – Терпеть ненавижу! – признался он.

– Это почему же? – усмехнулся отец.

– А ну их. Вечно пристают: туда не ходи, это не трогай...

– Ну, они же заботятся о тебе, – возразил отец. – Ты уже взрослый и должен понимать, что нам с мамой некогда уделить тебе достаточно времени. Люди для того и придумали роботов...

– Ладно, па... не надо! Давай о звездах! Знаешь, что мне сегодня сказал Илья Матвеевич? – Антон внимательно посмотрел на отца, пытаясь придать своему лицу то сосредоточенно-серьезное выражение, какое бывало у капитана Белгарда, когда тот разговаривал по внутренней связи.

– Ну?

– Он сказал, что вокруг нас злые звезды! – сообщил Антон. – А я ему не верю! – тут же похвастался он. – Вон смотри, – он ткнул указательным пальцем в сторону миниатюрного экрана, вмонтированного в переборку напротив кровати. – Эта голубая, какая она яркая и чистая!

– Илья Матвеевич неправильно выразился, – невольно улыбнулся отец. – Ты должен запомнить, что не бывает злых или добрых звезд. Они все одинаково неживые, только одни могут быть опасны для людей, а другие – нет. Понимаешь, звезды... – он сделал короткую паузу, подбирая нужное слово, – они неодушевленные, как и вся космическая материя, и потому не могут быть злы. Нельзя подразделять их, пользуясь человеческими понятиями чувств. Ты понимаешь, о чем я?

– Ага... – согласился Антон. – Понимаю, папочка.

– Ну, что еще тебе наговорил наш навигационный гений? – вновь улыбнулся отец, представив, как капитан «Терры» философствует перед Антоном.

– Да так, ничего... Кстати, пап, а почему меня не пускают в невесомость?

– Потому что там опасно. Расквасишь себе нос. Лучше расскажи, что ты сейчас проходишь?

Глаза мальчика поскущнели.

– У... – протянул он, – сегодня я занимался основами биологии кислородных планет.

– Интересно?

– Скучно, – пожал плечами Антон. – Мне больше нравится история Галактики! – с жаром заявил он.

– История Галактики?.. – рассеянно переспросил отец, мысли которого незаметно перескочили на проблемы полета. – Но ведь тебе еще рано!

– Я только немного почитал... – смутился мальчик. – Файлы по истории такие интересные...

– Не забивай себе голову, – строго сказал отец, – всему свое время. А без знания экзобиологии в наш век иногда бывает просто не выжить. И истории тебе будет не понять, потому что развитие и колонизация большинства населенных планет были предопределены именно их биологической средой... Ладно, спи... – Он взъерошил волосы сына. – Мне скоро на вахту, – объяснил он, – а еще нужно разобраться с полетными картами.

– А ты не сердись?

– За что?

– Ну, ведь я без спросу лазил по файлам компьютера...

– Нет, не сержусь, – улыбнулся отец. – Любознательность – это не порок.

Игорь Велюров, первый пилот картографического крейсера «Терра», поцеловал сына и, подойдя к стене, погасил свет, оставив сиять лишь маленький, вмонтированный в переборку между каютами проекционный стереоэкран, на котором медленно перемещались, реагируя на коррекции курса корабля, немигающие россыпи звезд.

– А мама скоро вернется? – поинтересовался из темноты голос Антона. – Она поцелует меня?

– Ну, конечно. – Игорь приоткрыл дверь в смежную каюту, и на пол детской, прорвавшись через овальный дверной проем, вновь упал косою столб света. – Только боюсь, что ты уже будешь спать, – лукаво добавил он. – У мамы вахта до полуночи.

Антон вздохнул и повернулся на бок.

– Тогда зайди к ней и передай от меня спокойной ночи... – сонным голосом попросил он.

Игорь кивнул и прикрыл дверь, оставив лишь небольшую щель. Сам он, будучи маленьким, не любил засыпать в полной темноте.

Усевшись в кресле за подковообразным рабочим столом, под темной поверхностью которого перемигивались приглушенные покрытием столешницы контрольные огоньки сенсорных панелей, он включил канал записи бортового журнала и проговорил, одновременно набирая на консоли бытавтомата меню своего позднего ужина:

– Сегодня двадцать девятое мая три тысячи шестьсот девяносто восьмого года по универсальному Галактическому календарю... В ноль часов пятнадцать минут бортового времени наш корабль пересек границу последней, включенной в полетный план планетной системы... – Он на секунду задумался. Тихо пискнул зуммер бытавтомата, и первый пилот «Терры» повернулся, чтобы забрать из ниши поднос со своим ужином.

– Обстоятельства складываются таким образом, что после исследования этой системы мы будем вынуждены завершить полет... – продолжил он диктовать запись. – И, хотя Белгард считает, что восьми обнаруженных нами в течение полета кислородных планет мало, для экипажа вопрос о возвращении становится уже едва ли не самым важным предметом разговоров.

Игорь нажал сенсор паузы и пододвинул к себе поднос.

Двенадцать лет... Эта цифра даже сейчас звучала ошеломляюще. Двенадцать лет назад картографический крейсер «Терра» покинул орбиту Порт-Эверанса – так именовалась одна из недавно возникших колоний Окраины. Полет «Терры» был экспериментом, от успешного завершения которого во многом зависело будущее космической картографии.

Впервые за последнюю тысячу лет был возрожден исторический опыт безанабиозного полета, когда экипаж не погружался в криогенные камеры на период, пока крейсер преодолевал межзвездные расстояния. Команда «Терры», составленная путем скрупулезного психологиче-

ского отбора на совместимость, состояла из двадцати пяти человек и представляла собой уникальную научную группу. Они исследовали не только открытые планеты, но и гиперсферу, куда периодически погружался крейсер для коротких, «полуслепых» прыжков, и состав межзвездной среды, и многое другое. Сам корабль, построенный по принципу «космического дома», тоже являлся своего рода уникальным.

На излете тридцать седьмого века человечеству вновь становилось тесно в границах колонизированных миров. Цивилизация явно стояла на пороге новой волны галактической Экспансии, но, учитывая горький опыт Первого и Второго рывков, когда масса колониальных транспортов канула в неизвестность, их полет должен был доказать, что длительная жизнь в условиях корабля вполне возможна и эпоха «слепых прыжков» прошла. Отныне специально подготовленные экипажи вполне могли вести колониальные транспорты от планеты к планете в поисках того единственного мира, который удовлетворит потребностям человеческого метаболизма. Восемь кислородных планет, три из которых были потенциально готовы стать колониями, – вот тот результат, которого до них не добивался ни один исследовательский корабль, управляемый самыми совершенными кибернетическими системами.

Игорь покончил с ужином и убрал поднос. Вернувшись к рабочему столу, он продолжил запись:

– Двенадцать лет... – повторил он вслух свою недавнюю мысль. – Вот тот срок, который можно назвать пределом человеческого терпения даже в таких продуманных, комфортных условиях, что дает нам «Терра». За это время мы углубились в область неисследованных секторов на девять с половиной парсек, что составляет около трехсот десяти световых лет. Нами было исследовано двадцать восемь планетных систем и накоплен бесценный опыт навигации. Сейчас нам предстоит последняя работа по исследованию двадцать девятой по счету системы и затем – прыжок «домой» на известные координаты Порт-Эверанса...

Игорь взглянул на таймер бортового хронометра и внезапно добавил:

– Мы уже восемнадцать часов движемся в границах системы, и все это время меня почему-то не покидает необъяснимое с точки зрения здравого смысла беспокойство. Видимо, мы все вышли на какой-то предел, и сама мысль о последней задержке на пути домой и связанном с ней минимальном риске действует угнетающе. Думаю, что в своих рекомендациях я буду настаивать на сокращении срока таких полетов до границы в десять универсальных лет Галактического календаря...

Игорь немного подумал, но не нашел, что еще можно добавить к сказанному. Вроде бы все и так предельно ясно.

– Конец записи, – проговорил он, вставая из-за рабочего стола. – Следующую надеюсь сделать уже по пути домой.

Он коснулся сенсора, выключив микрофон, погасил свет и, заглянув в каюту к сыну, вышел в широкий кольцевой коридор. Через час им предстоял маневр сближения со второй планетой системы, и Игорь надеялся, что еще успеет заглянуть в оранжерею, где работала жена, и передать пожелание Антона.

* * *

Антон разбудил настойчивый зуммер.

Оторвав голову от подушки, он привстал на локте и сонным, непонимающим взглядом уставился на моргающий в метре от него зеленый сигнал.

Зуммер продолжал выводить свою настойчивую трель.

«Интерком...» – понял Антон, окончательно проснувшись.

Откинув одеяло, он встал и прошлепал босыми ногами по холодному полу до стены, в которую была вмонтирована панель внутренней связи.

Никого из родителей в каютах не было, это мальчик определил сразу, бросив мимолетный взгляд на светящееся в темноте табло бортового хронометра. Было только начало двенадцатого, а значит, мама еще не вернулась, а отец уже ушел. Он всегда, прежде чем заступить на вахту в астромодуле, проходил по всем важным помещениям корабля.

Отжав клавишу связи, Антон отступил на шаг назад, как это делал отец, чтобы попасть в поле зрения крохотного объектива видеосистемы.

Экран осветился, и на нем, к удивлению мальчика, возникло суровое лицо капитана Белгарда. За спиной Ильи Матвеевича проглядывал фрагмент ходовой рубки крейсера. В такие моменты (а они выпадали крайне редко) Антону всегда неодолимо хотелось попросить капитана, чтобы он отодвинулся и дал ему возможность заглянуть туда – в святая святых огромного корабля, но, как обычно, он не решился этого сделать.

– Доброй ночи, мой мальчик, – проговорил капитан густым басом. – Я тебя разбудил?

– Ничего, дядя Белгард, я совсем не спал...

– Скажи, отца разве нет в каютах?

– Нет.

– А ты не знаешь, куда он пошел?

Антон, почти не раздумывая, пожал худенькими плечами. Откуда же ему было знать?

Илья Матвеевич нахмурился.

– Наверное, он в оранжерее, – наконец решил капитан. – Только там он мог оказаться далеко от динамика интеркома. Я вызывал его по общей связи, но ничего не получилось...

– Капитан старался говорить спокойно, но мальчик ясно различил в его голосе тревожные нотки. – Послушай, сынок, тебе ведь нетрудно добежать до оранжереи? – спросил он. – У меня, как назло, ни одного свободного человека под рукой, а твой папа срочно нужен в ходовой рубке.

– Ну, конечно! – с готовностью согласился мальчик, шаря рукой впотьмах, чтобы найти сложенную у кровати одежду. Дядя Белгард еще спрашивал?! Что может быть лучше прогулки по кораблю в ночное время да еще по приказу самого капитана!

Тем временем интерком отключился. Антон нашел одежду и зажег ночник, чувствуя, что его внезапно охватило неосознанное беспокойство, словно то волнение, что он почувствовал в словах дяди Белгарда, передалось и ему.

Распаленное детское воображение тут же подсказало ему, что на корабле или же вне корабля что-то случилось.

Быстро натянув одежду, мальчик выскочил из каюты в кольцевой коридор яруса. Свернув в первый попавшийся радиальный тоннель, он добежал по нему до шахты пневматического лифта, вошел в пустую кабину и нажал кнопку четвертого уровня.

Коридоры этой части крейсера были так же пусты и безлюдны. Из-за расписания искусственной ночи лампы тут горели через одну. Многочисленные двери отсеков были плотно закрыты, и из-за них не доносилось ни звука. Антон добежал до входа в оранжерею и нетерпеливо ткнул столбиком личного пропуска в гнездо электронного замка.

Двойные герметичные двери открылись с мягким чавканьем пневмоуплотнителя, и он оказался на пороге буйного сада, освещенного ярким сиянием оранжерейных ламп и призрачным светом звезд, струившимся сквозь прозрачный пластик потолка и части стен.

Одна звезда казалась особенно близкой и яркой, она походила на ослепительную голубую горошину, и Антон невольно подумал, что это, наверное, и есть последний пункт их полета.

Вокруг незримо присутствовала своя неповторимая жизнь. С одной стороны, можно было сказать, что в оранжерее царит тишина, но стоило остановиться и прислушаться, как буйные заросли вокруг наполнялись тихими ночными звуками. Сонно шевелилась листва, мерно покачиваясь под легкими дуновениями вентиляционной системы, далеко, в глубине оранжереи, слышался монотонный шелест сервоприводов робота, где-то капала вода, срываясь в невидимый отсюда водоем.

Панорамные окна примыкающих к оранжерее биологических лабораторий были темны. Антон быстро пробежал по центральной аллее до входа в лабораторный комплекс, подергал запертую дверь, обернулся и позвал:

– Мама! Папа!

Он повертел головой в надежде увидеть кого-нибудь из взрослых, но оранжерея казалась пустой и безлюдной. Антон почувствовал безотчетный страх, который маленьким холодным язычком лизнул его грудь как раз в том месте, где гулко колотилось сердце.

Взгляд Антона вновь метнулся по зарослям, и вдруг он вздрогнул, краем глаза заметив какое-то движение за прозрачным армированным сводом оранжереи, где в холодной пустоте космоса сияли звезды.

В следующий момент его обуял ужас.

Там, за прозрачным сводом, звезды заслонила мерцающая тень. Это было похоже на огромное, струящееся медленными волнами опахало размером с половину обзримых небес... Оно было черно как ночь, и лишь вспыхивающие тут и там искорки света обозначали в пространстве его исполинский контур. Это волнообразное, похожее на тысячекилометровый вышитый блестками прямоугольный парус образование медленно поворачивало навстречу их кораблю, но ужас в оцепеневшего мальчика вселило не это фантастическое покрывало из тьмы, а то, что располагалось чуть впереди его.

Сквозь прозрачный свод оранжереи он отчетливо видел несколько десятков огромных каменных глыб, которые этот растянувшийся в пространстве веер гнал перед собой прямо на купол, под которым в этот момент находился мальчик...

Неправда, что внезапная опасность рождает фантастические по своей скорости реакции... Антона буквально пригвоздило к месту. Разинув рот, он беспомощно стоял посреди центральной аллеи корабельного сада и смотрел, хотя сонный мир вокруг него наконец ожил, взорвавшись многоголосьем сирен, голосами, каким-то движением...

Астероиды... Это страшное слово не давало ему пошевелиться. Все вокруг почему-то утратило смысл, остались только эти многотонные каменные глыбы, которые были уже так близко, что он мог различить их неровную, выщербленную поверхность, освещенную бортовыми навигационными огнями крейсера и отчаянными вспышками корректирующих дюз...

– ...Тревога! – Хорошо поставленный женский голос мягко выговаривал страшные по своему смыслу слова, словно это могло кому-то помочь...

– Всем проследовать в ближайшее укрытие... – мягко советовала аудиосистема бортового кибермозга, вещая через сотни скрытых динамиков общей связи. – Угроза полной разгерметизации отсеков правого борта. До столкновения с астероидными массами осталось десять секунд... Девять... Восемь...

Черное опахало закрыло уже весь обзримый небосвод. Его края внезапно начали загибаться, словно оно пыталось обнять корабль...

Сбоку от оцепеневшего мальчика в нише, расположенной рядом с запертым входом в лабораторный комплекс, внезапно возник столб изумрудного света – это включилось защитное суспензорное поле...

– Пять секунд до столкновения... Три...

– Мама! – в ужасе закричал Антон, когда первая глыба ударила в корабль, заставив его содрогнуться от носа до кормы.

Прокатившаяся по палубам корабля тяжелая конвульсия сбила его с ног. Он упал, больно ударившись локтем о какой-то выступ, и это наконец вырвало мальчика из пагубного оцепенения.

Вскочив на ноги, он метнулся к столбу изумрудного света, чувствуя, как резко начала падать искусственная гравитация и пол вдруг стал уходить из-под ног, порождая тошнотворное ощущение невесомости тела.

Антону повезло. Он успел коснуться спасительного свечения, прежде чем раздирающие корабль силы протащили его мимо.

Компенсирующее суспензорное поле мгновенно потянуло его внутрь. Как и на практических занятиях, Антон почувствовал легкое сопротивление, словно его тащило через студень, потом мир вокруг вдруг обрел кристальную ясность, и он понял, что стоит внутри светящегося столба, не в силах пошевелить ни одним мускулом.

В этот момент один из астероидов ударил в оранжерею.

Полукилометровая каменная глыба, вынырнув из мрака космоса, на секунду сверкнула своими угловатыми гранями, поймав отсветы от сотрясавших корабль взрывов, и с надсадным, тяжким треском врезалась в прозрачный пластиковый купол оранжереи.

Антону очень хотелось, чтобы все это было лишь кошмаром, дурацким сном, чьей-нибудь неумной шуткой, но он не мог даже зажмуриться или отвести глаза – физическая природа защитного поля не позволяла ему ни одного движения... Он мог лишь в немом оцепенении смотреть, как край глыбы коснулся купола, и прочнейший пластик вдруг начал медленно проседать под напором незваного космического гостя; по своду оранжереи змеились трещины, материал купола стал плавиться, принимая формы наседающей глыбы, и вдруг... верхняя часть свода, не выдержав, лопнула, осыпавшись вниз горячими острыми осколками, а в образовавшуюся дыру, куда продолжала вламываться угловатая темная глыба камня, рванул воздух.

Встреча двух стихий была чудовищна. По всей оранжерее, площадь которой достигала нескольких квадратных километров, закрутились мутные смерчи, срывая ветви с кустов и деревьев. Потоки воздуха рванулись в пробитое астероидом отверстие; их встречный напор оказался так силен, что стремящийся вырваться в вакуум воздух сначала затормозил уже потерявшую при столкновении часть своей скорости каменную глыбу, а через несколько секунд и вовсе вытолкнул ее назад, в космос, словно плохо пригнанную пробку из горлышка бутылки...

Антон видел, как лопнули осветительные приборы, раскидывая вокруг фейерверки искр, и в центре оранжереи возник мутный столб исполинского смерча, который, уходя вверх, мгновенно увлекал за собой все: вырванные с корнем растения, которые уже скорчились и пожухли от ворвавшегося внутрь космического холода, какие-то приборы, стойки и даже землю из длинных пластиковых ванн, сами ванны и наконец...

Сознание мальчика не смогло выдержать этой картины. Ему оказалось достаточно боковым зрением заметить силуэт поднимающегося в потоке воздуха к пробитому потолку человеческого тела, чтобы в его голове вспыхнула невыносимая, превышающая все мыслимые пределы боль, и он провалился в спасительное беспмятство...

Впрочем, его забытие оказалось недолгим. Суспензорное поле, в котором он находился, являлось не просто силовым коконом. Антон даже не представлял себе того принципа, на основе которого функционировал спасательный световой столб, просто он слышал, что это недавнее изобретение было установлено на их корабле в качестве эксперимента. Считалось, что при аварии и разгерметизации отсеков человек может прожить внутри такого устройства до нескольких суток. Ярко-зеленая окраска силового потока была придумана специально, чтобы облегчить поиск спасательным командам...

Он не мог открыть или закрыть глаза. Просто в какой-то момент перед ним начали проступать смутные, размазанные очертания окружающих предметов. Через некоторое время, окончательно придя в себя, Антон понял, что смотрит на скелет оранжереи...

Сердце мальчика сжалось от страха. Он был еще слишком мал для того, чтобы трезво оценить масштаб постигшей их корабль катастрофы, но открывшаяся перед ним картина потрясла Антона до глубины души... Он вдруг оказался в совершенно чужом, страшном и незнакомом мире, где не осталось ничего привычного взгляду... Катастрофа произошла не с кораблем – весь мир рухнул и изменился. Внутри суспензорного поля Антон не был подвержен губительному воздействию вакуума и космического холода, но ему до бесконтрольного спазма легких и

продравшего по коже озноба вдруг показалось, что расплескавшаяся в пробоине бездна тянет к нему свои ледяные пальцы, чтобы превратить его тело в такую же сморщенную бесформенную массу, которая образовалась на том месте, где еще совсем недавно буйствовала зелень оранжевой растительности.

Вместо прозрачного купола над головой Антона возвышался покореженный каркас арматуры. Это было похоже на смятую клетку с погнутыми прутьями, внутри которой в состоянии невесомости плавал различного рода хлам...

За прутьями клетки, на фоне зелено-голубого шарика планеты, проплывали клочья разорванного опахала. Его искрящиеся вкрапления погасли, и куски черноты, размером с половину их корабля, то и дело проплывали в поле зрения, закрывая звезды и сияющий полумесяц близкой планеты.

Антону ужасно хотелось кричать. Такого чувства беспредельной тоски и одиночества он не испытывал никогда. Добрый, надежный мир звездного корабля, где были мама и папа, друзья, взрослые, внезапно превратился в ничто...

За всю свою короткую жизнь Антон ни разу не испытал ничего даже отдаленно похожего на те чувства, что заставляли сейчас картину немигающих звезд расплываться перед его глазами. Он не знал, что такое горе и ненависть. Все были одинаково добры к нему – первенцу, родившемуся на борту «Терры» еще в самом начале полета... И вот их нет. Нет никого...

Впоследствии Антон не мог вспомнить, сколько времени он провел внутри суспензорного поля. Единственное, что отчетливо сохранила в себе его память, был страх. Страх перед космосом. Он изнывал от него, не в силах владеть собственным телом и постоянно с ужасом представляя, как гаснет изумрудный столб и он, лишившись этой последней защиты, падает в ледяные объятия мрака...

Он не знал, что на самом деле произошло с кораблем, но надежда в сердце мальчика то угасала, то разгоралась вновь с удвоенной силой. Его детскому воображению было трудно представить, что «Терра» полностью уничтожена. Казалось, еще немного, и среди исколотого звездами мрака вспыхнет свет, а в разрушенной оранжерее появятся фигуры в белоснежных скафандрах, которые вытащат его из светового столба, но шли часы, надежда сменялась отчаянием... никто не приходил, чтобы спасти его, лишь холодный свет далеких звезд да сияние близкой планеты, которая медленно надвигалась на разрушенный корабль, освещали панораму развороченной оранжереи, в углу которой сиротливо горел двухметровый изумрудный столб света.

Потом Антон окончательно обессилел и перестал воспринимать реальность. Он уже не мог с точностью определить, что происходит в его воображении, а что наяву. Возможно, поэтому мальчик не испугался и не удивился, когда увидел между искореженными опорными фермами две темные фигуры.

Они казались похожими на людей, но стоило присмотреться к ним, как это сходство становилось лишь схематичным. Существа, в реальность которых было трудно поверить, медленно пробирались меж обломков, и на них не действовала царящая вокруг невесомость.

Антон, который не мог шевелиться, равнодушно смотрел, как две лишённые плеч фигуры приближаются к сияющему столбу суспензорного поля. Мальчика, уже десяток раз успевшего пережить свою воображаемую агонию, совершенно не удивил их облик. Он был уверен, что они ненастоящие. Это было похоже на насмешку. Люди не носили таких скафандров. Самым большим желанием Антона в тот момент было закрыть глаза и не видеть этих воображаемых фигур.

Но это было невозможно. Фигуры, раздвигая короткими руками парящие в невесомости обломки, уже приблизились настолько, что он смог различить зеленоватые отблески на покрывавшей их тела броне и змеящиеся по ней гофрированные шланги, концы которых уходили за

спины существ и, изогнувшись, исчезали в продолговатых каплеобразных шлемах, лишенных лицевых щитков.

Тонкие ноги существ, как и короткие руки, казались приклеенными к туловищу. Зрелище показалось ему отвратительным. Фигуры без плеч, с каплеподобными головами остановились совсем рядом и, долго разглядывали его, едва заметно покачиваясь на длинных широко разнесенных в стороны суставчатых ногах...

Антон обуюял ужас... В который раз за последний отрезок безвременья... Мальчик был едва жив, и то благодаря тому, что попросту не мог шевельнуться в цепких оковах суспензорного поля... иначе он уже давно бы совершил сотню разных поступков, каждый из которых неминуемо вел к смерти в условиях постигшей корабль глобальной катастрофы...

Внезапно его обострившееся от ужаса восприятие окружающего мира донесло какой-то слабый, прозвучавший на пределе слышимости голос. Звук, который, казалось, звучал не в ушах, а прямо в мозгу, чем-то напоминал слышанный им однажды скрип заржавевшей петли ангарного створа...

И, тем не менее, он понял его смысл!...

– Видишь, Зерг, к чему приводит упрямство... – проскрипел голос.

Антон не мог сообразить, сложились ли скрежещущие звуки в известные ему слова или же он попросту понял значение этого скрипа, но, так или иначе...

Одно из существ слегка отклонило свою голову.

– Это не упрямство... – ответил скрип немного иной тональностью. – В данном случае имеет место слепое стечение обстоятельств. Этот корабль вышел из гиперсферы, и мы не могли предвидеть его столкновения с энтрифагом...

– Это корабль двуногих... – вновь вступил первый скрежет. – Космический корабль двуногих... – повторил он. – Ты понимаешь, что это значит, Зерг? Они прилетели на помощь планете. Разве тебе мало этого факта? Твое упрямство не дало нам вовремя истребить эту нечисть, и вот результат...

Антон ровным счетом ничего не понял. Знакомые ему понятия складывались в какую-то головоломку.

Одно из существ еще больше приблизило свою каплеобразную голову к столбу суспензорного поля.

– Это детеныш... – прошелестел голос в сознании обмершего от страха и отвращения мальчика. – Он попал в ловушку, и ему не выбраться отсюда без посторонней помощи...

– Ну и что? – перебил его визгливый скрип. – Ты что, собираешься помочь ему? Детенышу наших врагов?

– Мы не воюем с ними.

– Да... это они воюют с нами. Они воюют со всем, что имеет способность жить и размножаться...

– Это беспомощное маленькое существо, – спокойно возразил тот скрипучий голос, что принадлежал Зергу. – Оно погибнет, и это будет на моей совести.

– Здесь погибло много существ, – напомнил второй.

– Это была катастрофа, – резонно заметил первый голос. – А если мы сейчас уйдем, это будет убийством.

– Ты не понимаешь, что говоришь, Зерг... Впрочем, поступай как знаешь... Этот корабль все равно обречен. Еще немного, и он рухнет в атмосферу.

Антон, оцепенев от ужаса, слушал непонятный диалог, не понимая, явь это или же нет?

Внезапно одно из существ подняло короткую руку, и в ослабевшем рассудке мальчика вдруг закружилась сотканная из тысяч ослепительных искр спираль.

В следующий момент на него со всех сторон навалилась оглушающая тьма.

* * *

– Ну, Антон, миленький, очнись... ну же!.. – Эти слова, дошедшие до сознания сквозь вязкую пелену беспамятства, сопровождались ощутимыми шлепками по его щекам и острым, режущим обоняние запахом чего-то медицинского...

Он открыл глаза, и сквозь мутный туман внезапно проступили черты склоненного над ним бледного лица.

Он с трудом узнал капитана Белгарда. Его скула была одним сплошным кровоподтеком, лоб и переносицу пересекала уродливая царапина с рваными краями, на которой сгустками запеклась кровь.

– Ну, наконец-то!.. – облегченно выдавил из себя капитан, бессильно откидываясь назад, как оказалось, – в кресло, вплотную придвинутое к откидной койке, на которой лежал Антон. – Я думал, что потерял и тебя, мой мальчик... – хрипло выдавил Илья Матвеевич.

– Дядя Белгард... – прошептал Антон, и слезы внезапно брызнули у него из глаз. Горло сдавил удушливый спазм, и он откинул голову на подушку, бессмысленно глядя в рифленый потолок капитанской каюты, лишь чувствуя, как горькая волна сжимает гортань, и слезы горячими ручейками бегут по щекам, капая на постель.

Сильная рука капитана обняла его, пытаясь успокоить. Но от этой скупой ласки Антону стало еще хуже...

Его мир окончательно погибал в эти секунды, и он ничего не мог с этим поделать...

Он резко отстранился, скинув руку Ильи Матвеевича, и, прижавшись к стене, сквозь слезы взглянул на бледного капитана.

– Никого?.. – выдавил из себя Антон страшный вопрос. – Никого больше нет?

– Никого, мой мальчик... – с трудом проговорил капитан. – Только ты и я...

Антон закрыл глаза. Илья Матвеевич что-то добавил, но он не слышал больше его слов, потому что в мозгу Антона гулкой болью пульсировало, повторяясь до бесконечности, только одно это слово – «НИКОГО»...

Сколько времени он пролежал в полузабытьи?

Перед плотно сомкнутыми веками, из-под которых ручейками бежали жгучие слезы, воспаленное сознание рисовало лица папы и мамы... Нет... Этого не могло быть!.. Так не бывает на свете!..

Антон вздрагивал, захлебываясь рыданиями, и вновь затихал лишь затем, чтобы опять провалиться в полную жгучего горя пустоту...

Потом, когда кончились слезы и силы, он открыл глаза, совершенно не понимая, что делать дальше, как жить...

– Я хочу есть... – услышал Антон свой собственный голос, прозвучавший откуда-то со стороны. Он не соображал, зачем произнес эту фразу. Просто ему нужно было что-то говорить, делать, лишь бы не молчать...

Капитан, погруженный в свои мрачные мысли, вздрогнул и поднял на него покрасневшие глаза.

– Сынок, попробуй поискать что-нибудь сам... – виновато ответил он. – Там в нише бытавтомата, должно быть, осталось что-то от последнего ужина...

Антон встал, действуя словно в полусне. От слабости у него кружилась голова, веки, опухшие от слез, больно пощипывало. Он чувствовал, что вот-вот расплачется вновь.

«Я так болен... – с детской эгоистичностью подумал он. – Капитан мог бы встать и найти мне еду...»

Отойдя пару шагов от койки, он обернулся и посмотрел на Илью Матвеевича. Тот сидел, бессильно откинувшись в глубоком кресле. Его форменный полетный комбинезон был местами порван и испятнан кровью.

И еще... у капитана ниже колен не было обеих ног!..

– Дядя Белгард! – в истерике вскрикнул Антон, бросаясь к нему. – Простите меня, я не знал! Я не видел!..

Его маленькое тело тряслось от конвульсивных рыданий...

– Ничего, мой мальчик... Ничего... – шептал капитан, силясь не застонать от боли и поглаживая светлые волосы прильнувшего к его груди мальчика. – Главное, что ты сумел выбраться из этой проклятой оранжереи.

Антон вздрогнул, подавившись рыданиями... Жуткий холод вдруг резанул по груди... Значит, это не дядя Белгард вытащил его из столба суспензорного поля? Значит, те существа были на самом деле? Или их не было?

Ему было страшно... Этот страх, забравшись в детскую душу, постепенно сжимал все сильней и сильней крохотное гулко бьющееся сердце.

– Найди мне аптечку, Антон... – простонал капитан, не в силах больше терпеть сжигающую его боль.

Антон кивнул, вытирая слезы. Порывшись в развороченной каюте, где вещи, высыпавшиеся из шкафов, при ударе перемешались друг с другом, он не без труда нашел продолговатый цилиндр аварийной аптечки и протянул ее капитану.

Лицо Ильи Матвеевича наконец расслабилось. Он сделал себе укол и на минуту обессилено затих. Затем, оправившись, он порылся в содержимом футляра и протянул Антону две маленькие капсулы:

– пей.

Антон послушно проглотил янтарные шарики в безвкусной оболочке.

– Что это, дядя Белгард? – удивленно спросил он, почувствовав, как проясняется в голове, а голод исчезает.

– Стимулятор, сынок... – объяснил капитан, глотая несколько таких же капсул. – Но без моего ведома не бери, ты понял? – строго спросил он и тут же объяснил: – Это сильное лекарство. Оно позволяет очень усталому человеку вновь стать бодрым, но его частое применение может привести к плохим последствиям.

Антон понуро кивнул. Его мысли в этот момент были заняты совсем другим.

– Дядя Белгард, – Антон почему-то не решался назвать его «капитан», – что с нами будет? Мы умрем?! – спросил он и замер, широко открыв глаза в ожидании ответа.

– Успокойся, мой мальчик! Мы останемся жить, у нас с тобой есть все шансы! – горячо заверил его Илья Матвеевич.

Капитан Белгард лгал Антону. Их разрушенный астероидным ударом корабль уже попал в гравитационное поле второй планеты системы и медленно, но неотвратно приближался к границе ее атмосферы. В течение нескольких ближайших часов должна была наступить развязка, и Илья Матвеевич знал об этом...

* * *

Картографический разведывательный крейсер «Терра», построенный в 3745 году на стапелях космоверфи планеты Кьюиг, представлял собой собранную из отдельных модулей двадцатикилометровую конструкцию и был предназначен исключительно для межзвездной навигации. Внутрисистемное пространство, особенно там, где пролегли орбиты планет и властвовали мощные гравитационные поля, было строго противопоказано «Терре». Для раз-

ведки планет крейсер нес на своем борту три малых разведывательных корабля, которые размещались в специальных отсеках стартовой палубы.

«Терра» в переводе с одного из древних языков означает – Земля. Это слово было известно в Галактике каждому, кто имел хоть какое-то понятие о космосе, звездах и истории. Для одних людей термин «Земля» означал не более чем древнее название, для других он олицетворял собой войну, для третьих это была недостижимая мечта, для четвертых символ вечности и преемственности поколений.

Люди, отправившие двенадцать лет назад картографический крейсер в бездну неисследованного космоса, относились к наиболее развитой части галактического сообщества. Они назвали корабль именем древней прародины, от которой в свое время видели немало зла, желая выразить свою уверенность в необратимости развития человеческого разума. Прошлое оставалось прошлым, а полет «Терры» был шагом в будущее, навстречу третьей волне галактической Экспансии человечества...

И вот этот могучий корабль погибал. Разрушения, причиненные ему ударом астероидов, были непоправимы. Весь правый борт «Терры» оказался уничтожен, бронеплиты обшивки смяты, искорежены, а в некоторых местах и вовсе пробиты насквозь или сорваны касательными ударами многотонных каменных глыб. Вокруг искалеченного корабля парили облака мелких обломков, сгустков расплавленного во время взрывов и вновь застывшего в вакууме металла, различные предметы, контейнеры, приборы, вещи...

Корабль, медленно вращаясь вокруг своей оси, неуклонно приближался к приветливому зеленовато-голубому шару второй планеты системы. И, несмотря на чудовищные разрушения, в его недрах, среди покореженного катастрофой металла, теплились две человеческие жизни.

Капитан Белгард сидел на рифленном полу стартового отсека номер семь. Его лицо хранило следы боли, бессонницы и жестокой внутренней борьбы. Рядом с ним под плоским днищем спускаемого модуля, присев на корточки, возился Антон. Руководствуясь наставлениями Ильи Матвеевича, он пытался открыть запасной люк, расположенный в днище единственного уцелевшего после катастрофы спускаемого аппарата.

– У нас с тобой совсем не осталось времени, – произнес капитан.

– Дядя Белгард, я стараюсь... – пыхтя, ответил Антон, который, действуя безынерционным ключом, найденным в одном из неповрежденных отсеков, пытался отпустить два больших страховочных болта, которые были вкручены в люк еще до его рождения. Некоторая часть планетарной техники «Терры», тщательно подготовленная к полету еще на Кьюиге, осталась невостребованной, как, например, этот посадочный модуль, который вплоть до последнего момента находился на консервации.

Десять стартовых отсеков, которые, как ячейки громадных сот, прилепились под плоским днищем картографического крейсера, пострадали от разрушений значительно меньше, чем расположенные сверху и по бортам помещения, но все же удар астероидов достиг и этой части корабля. Общая деформация корпуса вызвала перекося в механизмах отпирания стартовых створов, и многотонные бронированные ворота шлюзов заклинило. Для такого случая и служил седьмой отсек, который считался резервным.

Десятиметровый спускаемый модуль, покрытый белоснежной, еще не тронутой космическими частицами броней, до катастрофы был укреплен на вращающемся ложементе стартовой катапульты, но во время обрушившихся на корабль ударов его сорвало с места, и теперь он лежал опрокинутый набок.

Антон, выламывая пальцы от непривычных усилий, висел на обрезке трубы, который капитан посоветовал использовать ему как усилитель для рукоятки ключа.

Сам Илья Матвеевич был бессилен помочь мальчику. Он едва удерживал себя на грани потери сознания. Один из основных ударов крупных космических обломков пришелся прямо

на купол главной ходовой рубки. В этот момент там находились десять человек, и лишь ему удалось выжить. Ходовая рубка «Терры» была одним из немногих помещений крейсера, где действовала вторичная, суспензорная защита корпуса, и потому, когда астероид проломил броню, там не произошло полной декомпрессии – автоматически включилось компенсирующее поле, и автоматы поддержания жизни почти мгновенно восстановили давление...

Он пришел в себя в невесомости, под бледным светом аварийных ламп. В первый момент Илья Матвеевич не мог разобрать, каковы последствия обрушившегося на корабль удара. Он был не в состоянии даже сориентироваться в развороченной рубке, которая в считанные мгновения стала неузнаваемой. Вокруг него плавали куски оплавленной брони, разбитые приборы и мертвые человеческие тела. Обзорный экран был выбит, а безобразную дыру в куполе заполняло зеленоватое сияние суспензорной защиты...

...Капитан Белгард открыл глаза и посмотрел на мальчика, который висел на обрезке трубы, тщетно пытаясь выполнить непосильную работу.

– погоди, Антон... – прохрипел Илья Матвеевич. Повалившись на бок, он, извиваясь, прополз разделявшие их метры и ухватился за конец трубы.

Вдвоем им удалось выкрутить страховочные болты, а затем, освободив винтовой запор, откинуть крышку вспомогательного люка, который теперь стал единственным входом в опрокинувшийся набор посадочный модуль.

Капитан, скрипя зубами, ухватился за скобы, расположенные в открывшемся проходе, и втащил внутрь свое беспомощное тело. Вслед за ним, отводя глаза, чтобы не видеть на месте ног капитана обрубок, в люк влез Антон. Лицо мальчика покрывала землистая бледность, глаза глубоко запади, и вокруг них обозначились синеватые круги.

– Попробуй закрыть люк... – прохрипел капитан, боком вползая в отсек, где перед пультом управления были расположены три противоперегрузочных кресла. По его подсчетам, у них оставалось еще минут пятнадцать до того момента, как обломки «Терры», следуя своему гибельному курсу, войдут в атмосферу планеты.

– Поторопись, Антон... – попросил он, из последних сил затаскивая себя в противоперегрузочное кресло.

Перед глазами Белгарда плавали черные и оранжевые круги. Он действовал словно в полусне и, несмотря на принятый стимулятор, постоянно балансировал на грани глубокого обморока.

Единственное, что держало его в эти минуты, – это ответственность за жизнь мальчика. Не будь рядом Антона, он бы предпочел рухнуть вместе с искалеченным кораблем на поверхность планеты.

Положив дрожащие от боли и напряжения руки на пульт управления, капитан начал активацию систем модуля.

Спустя некоторое время в отсеке появился Антон. Бросив испуганный взгляд на ожившие обзорные экраны, он молча уселся в глубокое кресло и застыл в позе напряженного ожидания.

– Пристегнись... – приказал капитан.

– Я боюсь, дядя Белгард... – тихо признался мальчик.

Капитан, на секунду забыв о сжигающей его боли, протянул руку и коснулся худенького плеча Антона:

– Мы выберемся... я обещаю тебе.

На самом деле Илья Матвеевич сильно сомневался в успехе. Он не знал, достанет ли у него сил посадить модуль на ручном управлении...

По навигационному дисплею побежали строки сообщений бортового компьютера, справа и слева, на скошенных боковых консолях неярко осветилось несколько экранов и, попискивая, замерцали разноцветные сигналы.

– Антон, ты должен внимательно слушать и в точности делать то, что я скажу... – задыхаясь от нового приступа дурноты, проговорил капитан.

Мальчик кивнул, глядя перед собой в одну точку. Его посиневшие губы мелко дрожали.

– Я постараюсь, дядя Белгард... – пообещал он.

– Тогда все, начинаем. Времени уже совсем нет.

Антон, застывший в кресле в напряженном ожидании команд, отчаянно пытался вспомнить в эти трагические секунды хоть что-нибудь из уроков космической навигации или управления аварийными спасательными капсулами, но тщетно – в голове по-прежнему находили место лишь боль, страх и щемящее, тоскливое ощущение непоправимой утраты. Он думал о матери и об отце, не в силах понять, что их уже больше нет... Ему хотелось кричать... до тех пор, пока вместе с горькими рыданиями не уйдут последние силы...

– Внимание, активирована система аварийного отстрела стартовых ложементов... – ворвался в его затуманенный разум мягкий голос бортовой аудиосистемы. – Повторяю...

На включенных обзорных экранах было отчетливо видно, как в тесном стартовом отсеке, среди опрокинутых ударами заправочных ферм и разбитой контрольной аппаратуры, ярко вспыхнули уцелевшие сигнальные огни, бросая на свод и стены зловещие красные отсветы.

Внезапно две образующие свод помещения плиты вздрогнули и начали расходиться в стороны. Из образовавшегося прямоугольного отверстия вниз опустились два мощные механических захвата, оснащенные электромагнитами удержания, которые приподняли опрокинутый аварией посадочный модуль..

Белгард пробежал глазами по показаниям контрольных приборов и ввел команду аварийной разгерметизации.

Внизу, где на рифленых металлических плитах располагался покореженный и совершенно бесполезный теперь ложемент стартовой катапульты, внезапно пророкотал мощный взрыв. Это бортовой компьютер «Терры», повинувшись приказу с пульта управления модулем, отстрелил аварийные крепления. Еще секунда, и весь пол седьмого стартового отсека, вместе с покореженным ложементом, вздрогнул и провалился вниз, подчиняясь напору улетучившейся атмосферы отсека.

Антон взглянул на нижние экраны и невольно зажмурился.

Они висели над бездонным провалом, который от края до края заполнял пухлый шар планеты.

– Внимание! Десять секунд до расстыковки! Девять... Восемь...

Внизу, на фоне белесых разводов голубовато-зеленой атмосферы, беспорядочно вращаясь, парила только что отстреленная от корабля секция. Антон понял, что сейчас и они последуют вслед за ней, в эту страшную бездну...

– Дядя Белгард, я не хочу, я боюсь! – испуганно закричал он, перекрыв своим ломким от ужаса голосом монотонные сообщения аудиосистемы...

– Спокойно, сынок! Это всего лишь атмосфера, обыкновенный воздух, понимаешь? Там, внизу, твердая земля.

Мальчик, родившийся на борту корабля, никак не мог разделить уверенности капитана. Все его чувства формировались среди ограниченного пространства корабельных палуб и отсеков. Конечно, он имел возможность постоянно созерцать звездную бездну, но раньше, до катастрофы, она имела для него скорее теоретический, декоративный смысл. И лишь стоя среди зеленоватого сияния суспензорного поля в разрушенной оранжерее, он впервые увидел и почувствовал, как страшна и безжалостна бывает она...

– Нет! – отчаянно вскрикнул он, но было уже поздно.

Механические захваты отпустили корабль, и он провалился вниз.

Внутренности Антона внезапно замерли, в животе появился неприятный холод, и вдруг его желудок начал подкатываться к горлу.

– Есть отрыв!

Капитан не заметил, что по привычке дублирует голосом сообщения, которые выдавал бортовой компьютер спускаемого аппарата. Бешеный выброс адреналина на некоторое время заглушил его боль и вернул ясность мыслям.

Антон, раскрыв рот и выпучив глаза, сидел в кресле, отчаянно вцепившись в подлокотники. Его взгляд метался по сторонам, от экрана к экрану, но вокруг была только бездна да пухлый шар планеты, и лишь вверху, на самом срезе обзорных секторов, во мраке космоса, вспыхивая разноцветными огнями, медленно удалялась какая-то смутно знакомая ему масса...

Через мгновение его желудок вернулся на место. Это автоматически включились генераторы поля искусственного тяготения. Тихо и монотонно зашелестел вентилятор системы регенерации воздуха, и Антон внезапно почувствовал невероятное облегчение. Вокруг него снова был вполне исправный корабль, пусть маленький, но такой привычный...

Подняв глаза, он вновь увидел удаляющуюся массу покоренного металла, кое-где скупно расцветенную искрами габаритных огней, и понял, что это их «Терра»...

На глаза мальчика навернулись слезы. Во мрак космоса улетал его дом, то место, где он родился и вырос, где остались тела его отца и матери.

В этот момент он впервые осознал, что потерял абсолютно все, а впереди... впереди была лишь пугающая неизвестность.

Капитан Белгард испытывал в этот момент схожие чувства. Как и Антон, он в оцепенении провожал взглядом уплывающий за срез экранов израненный корабль, и при этом его побелевшие губы беззвучно шевелились...

Из задумчивости его вывели настойчивые звуковые сигналы пульта.

Планета заметно приблизилась, казалось, что она начинает давить своей массой на экраны нижнего обзора.

– Смотрите, дядя Белгард! – внезапно вскрикнул Антон, указывая пальцем на один из обзорных экранов справа.

Капитан поднял глаза. В первый момент у него перехватило дыхание от неожиданности, когда он увидел два исполинских черных опахала, которые, лениво перетекая плавными волнами, величественно плыли в верхних разреженных слоях атмосферы. При этом их иссиня-черная поверхность монотонно вспыхивала тысячью крохотных искр...

– Держись, Антон! – мгновенно отреагировал он, отключая часть автоматики. В руки капитана с тихим присвистом серводвигателей поднялись штанги астронавигационных рулей.

Это были те самые образования, одно из которых погубило их корабль!

Илья Матвеевич понял, что ему нельзя медлить ни секунды, потому что именно удивление и нерешительность погубили «Терру».

Он прекрасно помнил те роковые минуты перед самой катастрофой...

...Начиная стандартную процедуру сближения с планетой, все находившиеся на вахте члены экипажа были прекрасно осведомлены о небольшом скоплении астероидных масс. Курс десяти крупных каменных глыб и окружавшего их облака космического мусора хотя и пролегал поблизости от траектории движения «Терры», но был абсолютно безопасен для корабля и никак не мог привести к столкновению.

Не мог... Пока за плотным ядром каменных глыб не проступили смутные очертания чего-то эфемерного, похожего на исполинское черное опахало, усеянное яркими блестками. Это «нечто» медленно колыхалось, плавно воздействуя на каменные обломки какой-то неуловимой для приборов слежения силой. Невиданное образование, похожее на опахало или парус, площадью в несколько сот квадратных километров, управлялось с массами астероидов, словно опытный погонщик со своим послушным стадом...

Чем больше Илья Матвеевич думал над этим роковым явлением, тем явственнее начал понимать, что именно это самое «опахало» и явилось причиной гибели «Терры», как бы фантастично ни звучало подобное утверждение.

Он видел собственными глазами, как оно двигалось в космическом пространстве по собственной, не зависящей от законов небесной механики воле и гнало впереди себя компактную массу астероидов!

...И вот теперь, сжав моментально взмокшими ладонями пористую прорезиненную поверхность рулей, он со страхом и смятением наблюдал сразу два подобных образования, которые двигались в непосредственной близости от пологой траектории снижения модуля.

Тихо взвыл предупреждающий зуммер автопилотов. Бортовой компьютер требовал от человека каких-то адекватных действий, и Илья Матвеевич, бросив мимолетный взгляд на опекавшегося в своем кресле мальчика, начал опускать нос модуля, направляя его в атмосферу.

Короткое включение основных двигателей привело к тому, что Антона с силой вдавило в кресло, а два черных опахала вдруг стремительно проползли до верхней кромки экранов и исчезли из поля зрения видеосистем.

Вздых облегчения, готовый вырваться у Антона, вдруг застрял в его горле, когда громко и тревожно взвыли сигналы кормовых сенсоров.

– Третий выключатель, справа от тебя, быстро! – скомандовал капитан.

Антон, которого страх заставил соображать куда быстрее, чем обычно, обернулся к правому крылу вспомогательной панели управления.

Касание сенсора привело в действие кормовые видеокамеры, и Илья Матвеевич увидел, как те самые призрачные образования, которые только что лениво плыли на границе стратосферы, быстро свернулись, приняв веретенообразную форму, и устремились вслед падающему навстречу планете модулю.

Капитан знал, что увеличивать скорость и угол снижения было если не самоубийственно, то, по крайней мере, очень рискованно, но разве оставался у него выбор?

Пока Белгард лихорадочно пытался принять решение, Антон с возрастающим страхом смотрел на два стремительно приближающихся сзади черных веретена.

– Дядя Белгард!.. – умоляюще взвыл он, не выдержав глобального, подавляющего ужаса, что внушали ему преследователи.

Для мальчика вообще не существовало таких понятий, как траектория снижения, режим посадки, аэродинамические данные корпуса или атмосферное зондирование. Он просто хотел убежать, скрыться от тех существ, что совсем недавно прямо на его глазах уничтожили огромный космический корабль. В данный момент Антону было все равно, сгорят ли они в плотных слоях атмосферы и вообще, можно ли выжить в том мире, что скрывала под собой пухлая голубовато-зеленая шапка облачности.

Капитан Белгард больше не мог раздумывать. Устами ребенка в данный момент говорила истина: если их настигнут два этих веретена, то развязка наступит незамедлительно...

– Держись! – повторил он.

Струи плазмы, ударившие из маршевых двигателей модуля, толкнули корабль навстречу планете, за несколько секунд до того, как два обитателя бездны приблизились и начали видоизменяться, пытаясь превратиться в чудовищные подобию гаснущих парашютных куполов.

Все эти метаморфозы произошли с опозданием, модуль уже ускорился, падая по самоубийственной траектории, и космические образования, попав в плазменный шлейф его двигателей, надулись, словно паруса древнего корабля, и вдруг лопнули, разлетаясь рваными лоскутками черноты...

Зона высоких орбит вновь была свободна, но это уже ничем не могло помочь двум людям, заключенным внутри посадочного модуля, который, ворвавшись в плотные слои атмо-

сферы, вдруг вспыхнул, как маленькое новорожденное солнце, и, оставляя за собой дымящийся инверсионный след, стремительно пронзил зону клубящихся густых облаков...

ГЛАВА 2. ИНСЕКТЫ.

С хмурого неба, по которому медленно ползли низкие свинцово-серые облака, срывался редкий морозящий дождь.

Группа насекомых двигалась по раскисшей дороге, огибая опушку леса. Насекомоподобные существа, внешность которых наводила на мысль о непропорционально увеличенном гибриде муравья и кузнечика ростом около полутора метров, были закутаны в коричневые, местами порванные и испачканные дорожной грязью хламиды из грубой ткани, похожей на мешковину.

Среди нестройного отряда, устало тащившегося по осенней распутице, несмотря на схожую внешность существ и одинаковые одежды, была заметна четкая градация. Те, которые шли впереди и сзади, передвигались, как люди, на двух широко расставленных, словно бы прилепленных с боков к нижней части туловища суставчатых ногах. В коротких верхних конечностях, количество которых варьировалось от четырех до одной, они несли оружие. Из-под капюшонов коричневых хламид на тусклый, серый мир смотрели большие фасетчатые глаза без век и ресниц, сразу под которыми располагались ороговевшие дыхательные отверстия и мощные хитиновые жвала.

Оружие, что несли в руках насекомые, отличалось пестрым разнообразием и одинаковой неухоженностью. В вооружении отряда преобладали короткие дротики с побитыми ржавчиной стальными наконечниками, и некое подобие арбалетов явно нечеловеческой конструкции, снабженных толстыми короткими стрелами с жестким хитиновым оперением и странными цилиндрическими наконечниками.

Однако, при более внимательном рассмотрении, становилось ясно, что арсенал насекомых не ограничивается только самодельными, примитивными средствами. За плечами нескольких существ виднелись вполне знакомые человеческому глазу автоматы с примкнутыми рожковыми магазинами. Было еще и несколько коротких труб ручных гранатометов, а на груди возглавлявшего отряд однорукого насекомого болтался полевой электронный бинокль, на потертом корпусе которого еще можно было разглядеть фирменное клеймо знаменитой компании Цейсса, ведущей свою историю со времен докосмической эпохи развития человечества.

Вторая группа насекомоподобных существ, по своей анатомии и одежде никак не отличавшаяся от идущих впереди и сзади собратьев, вела себя немного иначе. Около трех десятков насекомых, составляющих ядро растянувшегося по раскисшей дороге отряда, ползли, опираясь на все конечности, неся на сторбленных спинах плотно увязанные тюки и несколько метательных приспособлений, которые походили на оригинально исполненные миниатюрные катапульти.

Движение отряда сопровождалось шелестом одежд, тихим звоном небрежно пригнутой амуниции, чавканьем грязи и негромкими скрежещущими звуками, похожими на скрип плохо смазанных петель.

Опушка леса, вдоль которой шли насекомые, напоминала собой иллюстрацию из скверной детской книжки про ведьм и колдунов. Низкие деревья с узловатыми стволами и морщинистой, шероховатой корой, сплетаясь кривыми ветвями, образовывали плотные заросли, сквозь которые мог пробраться разве что мелкий шустрый зверек. Под ними, на сырой земле лежал плотный ковер опавшей листвы. Дорога, огибая опушку, поворачивала к лесу, вгрызаясь в заросли, похожей на темный тоннель просекой. Голые, лишённые листвы ветви простирались над ней, словно сцепившиеся в вечном, застывшем рукопожатии иссохшие руки старцев.

Справа от опушки леса простиралась обширная пустошь, усеянная мелкими валунами, из-под которых пробивались тонкие серебристые побеги каких-то диковинных образований,

похожих на беспорядочно растянутую тут и там стальную проволоку. Чуть дальше, у туманного горизонта, за обозначенной дымкой испарений топью, поднимались мрачные стены древнего сооружения, похожего на разрушенный временем замок. Большие каменные блоки, из которых были сложены его стены и башни, сплошь покрывала серебристая паутина. Изредка с той стороны доносились пронзительный свист и монотонные ноющие звуки, которые заставляли идущих впереди и сзади отряда вооруженных насекомых беспокойно озираться по сторонам.

Внезапно в уныние непогожего осеннего дня ворвалось нечто чуждое мрачной гармонии засыпающей природы.

Где-то высоко, за свинцовыми облаками, возник далекий басовитый гул, который с каждой секундой звучал все увереннее и громче, постепенно перерастая в надсадный высокочастотный вой рассекаемого воздуха.

Группа насекомых, застывшая было в нерешительности у самого поворота уходящей в заросли дороги, внезапно преобразилась. Трудно было ожидать какой-то боевой слаженности от такого пестро вооруженного, убогого отряда, но тем не менее, определив направление приближающегося звука, они действовали четко и обдуманно. Однорукий инсект с цейссовским биноклем на груди проскрежетал несколько команд и вскинул электронный прибор, медленно, со знанием дела обшаривая небеса в поисках источника приближающегося звука.

Его подчиненные быстро укрылись под голыми кронами ближайших деревьев, причем тяжело навьюченные члены отряда были пропущены вглубь, к кривым аркам воздушных корней, которые образовывали своего рода плетеные навесы, расположенные на высоте одного метра от земли, а их вооруженные сородичи рассредоточились вокруг, подняв к хмурым небесам автоматные стволы и дуги хитиновых арбалетов.

Прошло несколько томительных секунд, в течение которых вой продолжал стремительно нарастать; часть облачного покрова вдруг просветлела, словно там, в вышине, взошло второе полуденное солнце, и вдруг в серую дождливую хмарь ворвался падающий по пологой дуге огненный шар.

Сквозь ослепительное сияние было трудно различить его контуры, но, что бы это ни было, падающий предмет повел себя весьма странным и совершенно неадекватным для метеорита образом.

Инсект-командир, по-видимому, был достаточно хорошо знаком с телами небесного или, вернее сказать, космического происхождения и, судя по его реакции на появление раскаленного болида, не сомневался в развязке данного происшествия. Он опустил бинокль и резко пригнулся, ожидая оглушительного удара о землю, но болид, к его изумлению, вдруг выкинул две струи голубого пламени, которые, ударив в землю, моментально испарили небольшое болото, расположенное как раз перед древней цитаделью, и, покачиваясь на двух плазменных струях, завис в воздухе, моментально утратив свое сходство с солнцем...

Глазам изумленных не меньше командира рядовых насекомых предстал длинный, покрытый коростой оплавленной брони летательный аппарат, который, несколько секунд повисев в воздухе, вдруг изменил направление испепеляющих почву плазменных струй и медленно поплыл в сторону каменных стен древней цитадели.

* * *

Направив посадочный модуль в плотные слои атмосферы, Илья Матвеевич действовал спонтанно. Он понимал, что их участь практически предрешена, но смерть от взрыва раскаленной обшивки и падающие на поверхность пустынной планеты хлопья пепла показались его подсознанию предпочтительнее, чем смертельные объятия двух черных опахал, скользящих в безвоздушном пространстве высоких орбит.

Ворвавшись на высокой скорости в плотные воздушные слои, практически неуправляемый посадочный модуль, казалось, сошел с ума.

Антон, выпучив глаза, смотрел, как на обзорных экранах разгорается ореол адского пламени – это раскалялись бронеплиты обшивки: они сначала засветились, а потом вдруг стали обугливаться, отлетая по сторонам тонкими слоями окалины...

Капитан, обезумевший от стремительной смены катастроф и вернувшейся, сжигающей боли, которая, распространяясь от обрубков потерянных ног, охватывала все тело, едва ли мог бороться с взбесившимся кораблем.

Посадочный модуль стремительно и неумолимо трансформировался в падающую частицу металла...

Экраны внешнего обзора, в объеме которых бесновалось охватившее обшивку пламя, вдруг начали гаснуть один за другим по мере того, как выходили из строя от чудовищного перегрева внешние видеосенсорные системы.

Кинув молниеносный взгляд на электронный датчик альтиметра, где бежали, стремительно приближаясь к нулю, цифры обратного отсчета высоты, Илья Матвеевич понял, что жить им с Антоном осталось, дай бог, секунд двадцать...

Другой на его месте просто бы крепче зажмурился в ожидании последнего скрежета лопнувшего металла и смертельно удара о поверхность, который смешает человеческую плоть с металлическими конструкциями, но капитан Белгард в эти критические секунды внезапно пришел в себя...

Превозмогая головокружение, перегрузку и боль, он сделал единственное, на что был способен в эти роковые мгновения.

Он расписался в собственном бессилии, выбив кулаком защитный кожух и рванув вниз небольшой, расположенный в углублении пульта, аварийный рычаг.

Илья Матвеевич сделал то, на что не хватало духа у многих пилотов, – он замкнул зажигание всех двигательных систем, одновременно передав управление уцелевшим бортовым системам автопилотирования.

Из-за неработающих экранов обзора и погасших за минуту до этого контрольных панелей он не видел, как из-под днища их корабля в близкую уже землю ударили, испепеляя маленькое болото, два голубых плазменных столба.

Теряя сознание от удара внезапной перегрузки, он смог расслышать лишь болезненный крик распластавшегося по креслу мальчика.

Потом наступил мрак...

...Автопилоту посадочного модуля, получившему неожиданный карт-бланш за несколько секунд до катастрофического удара, собственно говоря, было все равно, что творится вокруг и в каком состоянии ему передан корабль. Кибернетическая система управления и принимала ситуацию такой, какова она есть – оставшихся мгновений оказалось достаточно, чтобы автопилот стабилизировал резко затормозивший корабль и удержал его в зыбком равновесии.

Несколько мгновений обгоревший модуль балансировал в воздухе, опираясь на бьющие из его днища струи плазмы. За это время бортовая кибернетическая система успела оценить степень повреждений и придти к выводу, что дальнейший полет, равно как и мягкая посадка в указанном экипажем месте, – вещи практически невозможные. Исходя из запаса топлива, в распоряжении автопилота оставалось всего тридцать секунд, чтобы выбрать площадку для приземления и жестко посадить поврежденный модуль.

Мгновенно просканировав окружающий рельеф при помощи уцелевших приборов, кибернетическая система обнаружила лес, болото, каменистую пустошь, извивающуюся неподалеку речушку, а также группу живых существ и некое строение, обнесенное высокой стеной, за которой находилась обширная, вымощенная каменными блоками площадка. По мнению

компьютера, это место как нельзя более подходило для его целей, и модуль, слегка накренившись, полетел в ту сторону.

Два столба плазмы, которые удерживали в воздухе и приводили в движение спускаемый аппарат, словно раскаленные ножи прошли по болотистой почве, испаряя воду, взрывая топь и напрочь сжигая серебристое кружево блестящей паутины. Добравшись до высокой, выщербленной временем каменной стены, модуль тяжело приподнялся, переваливая через ее широкий гребень; при этом поток ионизированного газа из его двигателей добела раскалил пенобетонные блоки, которые тут же начали лопаться, и стена взорвалась, с оглушительным грохотом проседая вниз и раскидывая вокруг дымящиеся шлаковые бомбы, часть из которых улетела почти на километр, осыпав градом осколков притаившийся у опушки леса отряд насекомых.

Все это совершенно не волновало кибернетическую систему модуля. У автопилота была только одна цель: как можно мягче посадить корабль на надежные каменные блоки внутреннего двора.

Все описанные выше события произошли в течение одной минуты, и насекомые, еще не оправившиеся от появления в небесах необъяснимого болида, внезапно стали свидетелями того, как летательный аппарат, кренясь на один борт, проследовал к крепостным стенам, оставляя за собой дымящуюся полосу выжженной земли шириной в несколько сот метров, и, взорвав стену, скрылся внутри.

Они едва ли обратили внимание на оглушительный грохот, сопровождавший жесткую посадку, – на головы насекомых внезапно обрушился град раскаленных, дымящихся бетонных обломков, которые падали вокруг, выбивая в грязи курящиеся паром воронки. Несколько насекомоподобных существ упали, конвульсивно дергаясь в агонии, часть вооруженной охраны открыла беспорядочную стрельбу, но гневный скрежет их предводителя, который достаточно быстро увязал причину со следствием, остановил разгоревшуюся было панику.

Отряд мгновенно успокоился, вновь беспрекословно подчиняясь командам – трупы только что погибших сородичей были оттащены в сторону, раздеты и зарыты в грязи тут же, у обочины.

Теперь о произошедшем напоминали лишь проломленная стена древней цитадели, протянувшаяся через осушенное болото ровная широкая полоса выжженной земли, да жадные языки пламени от разгорающегося пожара, который, несмотря на сырость и нудный дождь, занялся в том месте, где раскаленные добела камни попали в лес.

В сознании однорукого насекомого все перечисленные явления, побудили лишь один вывод: волей случая перед ним открылась прямая дорога в то место, куда еще несколько минут назад он не подумал бы и сунуться.

Такая удача выпадала не часто.

Скрипящий звук, адекватный команде «Вперед!», резко прозвучал в стылой тишине осеннего дня.

* * *

Антон пришел в себя в сером сумраке. Мальчик попытался пошевелиться, но страховочные ремни больно врезались в его грудь. Пошарив рукой в темноте, он не смог найти их электромагнитный замок и жалобно позвал:

– Дядя Белгард!..

Ответом ему была оглушающая тишина.

«Вот и все...» – в полной растерянности подумал Антон.

Пока он беспомощно барахтался, пытаясь освободиться от объятий противоперегрузочного кресла, извне до него стали доходить какие-то звуки.

Если бы мальчик успел больше узнать в процессе своего обучения на борту «Терры», то он бы понял, что был контужен в момент посадки, а теперь к нему постепенно возвращался слух.

Звуки, пробившиеся в его сознание сквозь толстый слой ваты, можно было подразделить на несколько характерных типов.

Во-первых, он слышал треск, который издавал остывающий керамлит обугленной обшивки посадочного модуля. Во-вторых, на фоне потрескивания явно слышался монотонный, заунывный вой изношенных серводвигателей какой-то машины, и, наконец, в-третьих, ему показалось, что он воспринимает чью-то тяжкую поступь, которая звучала как хруст раздавленного стекла.

Смешиваясь с подвыванием сервомоторов, это звучало приблизительно так:

Хррым... Хррым... – и тут же – Уиззм... Уиззм... Уиззм...

Антону было очень страшно лежать в сером сумраке и слушать эти непонятные ему звуки.

– Дядя Белгард!.. – шепотом позвал он.

Вой сервомоторов начал удаляться. Капитан по-прежнему не отвечал, и вокруг, кроме отдаляющейся тяжелой поступи, не прослушивалось вообще никаких признаков жизни.

На глаза Антона навернулись слезы.

Поддавшись панике, он начал отчаянно ворочаться в кресле и вдруг... выскользнул из-под ослабевших страховочных ремней.

Очутившись на полу, который почему-то был накренен, мальчик, стоя на четвереньках, оглядел окружающий сумрак и вдруг заметил узкую полосу унылого серого света, которая пробивалась внутрь модуля через разлом в обшивке.

Ни секунды не раздумывая, Антон пополз туда, то и дело натываясь на какие-то предметы, в изобилии разбросанные по полу...

В разломе обугленных бронеплит искрил, покачиваясь на сквозняке, оборванный силовой кабель. Уродливая трещина достигала полуметра в ширину... Антон машинально пригнулся, чтобы не задеть головой обрывок кабеля, и безрассудно выглянул наружу, даже не задумываясь о том, что их модуль совершил посадку на чужую, совершенно неисследованную планету. Этот опыт, а заодно и связанные с ним страхи были чужды десятилетнему мальчику, который ни разу в жизни не ступал ногой ни на одно небесное тело.

В первый момент он невольно зажмурился от серого неяркого света, одновременно закашлявшись от глотка холодного, влажного и горьковатого воздуха.

На его счастье, атмосфера планеты была кислородной и не содержала тех примесей, что моментально могли бы убить человека.

Планета была обитаема, и Антон, решившись открыть глаза, смог убедиться в этом воочию...

От раскинувшегося вокруг открытого пространства и бездонного серого неба, у него болезненно закружилась голова, а ноги вдруг стали подкашиваться. Мальчик осел, и застыл в полной неподвижности, пока его вестибулярный аппарат пытался приспособиться к совершенно новым для него условиям.

Потом, когда головокружение немного унялось, Антон решился повернуть голову и оглядеться.

Сразу за обугленной кормой их изменившегося до полной неузнаваемости корабля к небу вздымались высокие, сложенные из огромных шероховатых блоков стены. Они тянулись в разные стороны, образуя исполинский квадрат, по углам которого возвышались прямоугольные башни с обветренными венцами. Кое-где на их осыпавшихся вершинах можно было заметить торчащие к небу балки, которые когда-то служили опорой для крыш.

Внутренний двор занимали приземистые двухэтажные постройки с плоскими крышами, часть из которых тоже была разрушена и осела внутрь.

Антон осторожно выбрался из разлома и поежился, когда на него налетел слабый порыв холодного осеннего ветра.

Сбоку от модуля часть исполинской стены зияла безобразным, почерневшим провалом, и руины, похожие на кучи беспорядочно раскиданного щебня, еще дымились.

Антону было страшно и в то же время любопытно. Покрутив головой, он увидел нечто похожее на растительность в их оранжерее, только не зеленого, а серебристого цвета. Мальчика обмануло то, что низкорослые металлические кусты, усеянные похожими на шишки образованиями, были высажены ровными симметричными рядами. Казалось, что они растут прямо на плитах, которыми был вымощен весь внутренний двор.

Монотонный ноющий звук сервоприводов, стихший было вдали, за зданиями, зазвучал громче, явно приближаясь к месту крушения модуля.

Антон, которого вдруг охватил безотчетный страх, метнулся в сторону, выскочил из-под прикрытия кормы корабля и в панике заметался в узком пространстве между проломленной стеной, зарослями низкорослого металлического кустарника и темными зевами открытых ворот ближайших зданий.

Заскочив в похожий на ангар дом, он прижался к стене, покрытой грязными пластиковыми сегментами облицовки, и затравленно огляделся. Дневной свет проникал в помещение через отсутствующую дверь и большое панорамное окно овальной формы, отчего внутри было почти так же светло, как и на улице.

Вокруг, начинаясь от самого входа, возвышались какие-то заржавевшие машины и агрегаты. Из всего расположенного в длинном помещении оборудования блуждающий взгляд Антона смог опознать лишь контуры пультов управления да длинную застывшую конвейерную ленту, над которой нависали членистые манипуляторы от расположенных по обе стороны бегущей дорожки агрегатов. Все это было покрыто толстым слоем пыли, бурыми пятнами ржавчины и занесенным сюда ветром мусором.

Мальчика пробила короткая нервная дрожь.

Все это походило на страшную сказку из видеоархива их корабля.

Повинуясь какому-то необъяснимому внутреннему порыву, он подошел к одному из склоненных к остановившейся ленте конвейера манипуляторов и провел ладошкой по плоской боковине его шарнирного соединения.

На ладони остался грязный след, а на крышке закрывающего шарнир корпуса вдруг проступило клеймо и несколько расположенных полукругом слов:

«Завод механических приводов. Земля».

Эти слова совершенно ничего не говорили Антону. Он знал лишь то, что «Земля» – это название планеты, которая является исторической родиной всего человечества и затеряна где-то на самом краю обитаемого космоса...

...Ноющий звук сервоприводов внезапно зазвучал где-то рядом, и Антон вздрогнул, моментально позабыв о странной надписи. Подойдя к грязному окну с треснувшим пластиковым стеклом, он осторожно выглянул наружу, чуть приподняв голову над краем широкого запыленного подоконника.

По плитам внутреннего двора шел, смешно приволакивая заклинившую конечность, дряхлый промышленный робот. Естественно, что эта древняя модель была совершенно незнакома Антону, но существуют некоторые технологические решения, воплощенные в основных узлах той или иной машины, чей внешний вид и принцип действия не меняются веками и даже тысячелетиями. Однажды изобретенный велосипед остается велосипедом и в двадцать пятом веке, и в тридцать седьмом... поэтому мальчик, едва взглянув на ковыляющего на трех сустав-

чатых лапах паукообразного металлического монстра, сразу признал в нем одну из разновидностей промышленной планетарной техники, которую видел в ангарах «Терры»...

Робот, чьи отрывистые, конвульсивные движения, сопровождаемые визгом серводвигателей, говорили о крайней степени изношенности, медленно обогнул здание, внутри которого прятался Антон, и свернул к стройным рядам серебристых насаждений. Подойдя к первому ряду низкорослого кустарника, он остановился, секунду покачался на одряхлевших от времени ступоходах и, выдвинув из своего корпуса порожний контейнер, начал неторопливо собирать шишкообразные наросты, складывая их в пустую емкость.

Антон, несмотря на испуг, едва не рассмеялся, глядя на его комичные конвульсивные движения.

Набрав полный короб металлических «шишек», робот развернулся и заковылял назад. Проследив взглядом за его маршрутом, Антон увидел, как он вошел в соседнее здание, откуда послышался приглушенный лязг.

«Плавильный комплекс номер два», – прочитал он полустертую временем надпись над входом.

Чуть дальше располагалось куполообразное здание с другой пометкой, выведенной крупными буквами: «Лаборатория экзобиологии. Опасно для жизни. Посторонним вход запрещен».

Над частично обвалившимся куполом буйствовали нитевидные серебристые заросли. Антон заметил, что на них тоже растут такие же шишки, и подумал о том, что робот почему-то не собирает их. Часть шишкообразных наростов, сбитых ветром, валялась на серых шероховатых плитах двора. Находясь на достаточном удалении, мальчик просто не мог разглядеть то, что клубки серебристых нитей оплетают иссохшие хитиновые панцири насекомоподобных существ, а пространство вокруг, как и стены близлежащих зданий, покрыто крупными выщерблинами и воронками от отгремевших тут когда-то взрывов и выстрелов...

Заинтригованный прочитанными надписями, мальчик не удержался и вышел на улицу. Задрав голову, он нашел глазами вывеску над тем зданием, внутри которого только что прятался:

«Сборочный цех сельскохозяйственной техники».

В голове Антона вдруг забрезжила какая-то смутная мысль. Ему казалось, что он начинает понимать, что означают все эти надписи вкуче с древним промышленным роботом и царящим вокруг запустением.

«Нужно вернуться в корабль и найти дядю Белгарда», – подумал он.

Стоя спиной к искалеченному модулю и расположенному за его кормой пролому, он не видел, как в широкий, все еще дымящийся проход вошел головной дозор отряда насекомых.

* * *

Авангард отряда задержался возле останков посадочного модуля. Пять насекомых, вооруженных автоматами, остановились, нервно озираясь, в поисках неведомой им опасности. Они поняли, что обугленный остов с треснувшими по шву бронеплитами и есть тот странный болид, что таким чудесным образом открыл им доступ на территорию древней цитадели, но никто из них не горел желанием забраться внутрь корабля.

Опасливо обойдя стороной накренный посадочный модуль, они обратили взгляды своих выпуклых фасетчатых глаз на внутреннее пространство древней твердыни.

Об этих местах ходили жуткие легенды, где правда была замысловато переплетена с вымыслом. От своих обожествляемых сородичей, которые иногда снисходили до общения с обычными смертными, насекомые слышали о какой-то «бесконтрольной мутации», вырвавшейся на волю в ходе экспериментов по получению нового вида растений, девяносто процентов которых составлял бы чистый металл.

Может быть, для прошлых поколений насекомых, которые жили еще до войны с людьми, эти словосочетания и имели какой-то смысл, но для членов данного отряда были лишь пустым звуком...

Их поведение определяли страх и жажда наживы, причем два этих чувства вели между собой нешуточную борьбу под узлобymi хитиновыми черепами...

Внезапно один из насекомых заметил оцепеневшего от ужаса мальчика, который стоял у входа в одно из зданий. Вся пятерка мгновенно направила на него стволы своего оружия, казалось, еще секунда, и насмерть перепуганный ребенок будет разорван автоматными очередями, но в этот момент случилось непредвиденное...

В проходе между зданиями послышался заунывный вой сервомоторов, и там появился промышленный робот, неуклюже ковылявший на трех функционирующих ступоходах к плантации металлического кустарника.

Реакция насекомоподобных существ была мгновенной.

Грохот выстрелов оглушил парализованного ужасом Антона, он инстинктивно сжался, закрывая голову руками, и присел, глядя, как автоматные очереди вгрызаются в трухлявый от времени и коррозии металл, оставляя в корпусе робота рваные дыры, сквозь которые наружу посыпались искры и полез едкий, вонючий дым.

Паукообразная машина пошатнулась, оседая назад под ураганным автоматным огнем, ступоходы робота подломились, неуклюже царапнув воздух, и он с грохотом и лязгом опрокинулся на каменные плиты двора.

Антон, дико закричав, побежал прочь.

Завернув за угол сборочного цеха, он влетел в ближайшую открытую дверь и остановился как вкопанный.

Темный сумрак открывшегося перед ним коридора был затянут серебристым кружевом тонких подрагивающих нитей.

Не помня себя от ужаса, Антон прижался к холодной стене, чувствуя, что вот-вот в изнеможении упадет на пол...

Сзади вдруг раздалась быстрая царапающая поступь, и в полутемный коридор влетело одно из преследовавших его существ.

В отличие от Антона инсект не заметил поблескивающих во мраке металлических нитей. Увидев мальчика, он издал высокий визгливый скрежет и больно ткнул съжившегося от страха Антона автоматным стволом.

Не выдержав, мальчик заплакал. Инсект, раздраженный такой реакцией, отступил на шаг в глубь коридора, очевидно, собираясь застрелить маленькое хнычущее существо.

За спиной вскинувшей автомат насекомоподобной твари медленно пришли в волнообразное движение тонкие нити серебристой тускло отсвечивающей паутины. Если бы не судорожные рыдания обезумевшего от страха мальчика, то, возможно, инсект бы и расслышал жадный чавкающий звук за своей спиной, когда из свернувшегося прямо на глазах серебряного клубка вылезло что-то осклизлое, похожее на жадную новорожденную глотку. Еще мгновение, и трубчатый отросток паутины конвульсивно дернулся, выплюнув в спину инсекта целую очередь твердеющих на лету шипов.

Растение размножалось...

Инсект, чей хитиновый панцирь оказался пробит в трех или четырех местах, дико завещал и, уронив автомат, метнулся наружу.

Антон, наблюдавший эту сцену словно в полусне, перестал плакать, глядя вслед убегающему насекомоподобному созданию.

Весь внутренний двор древней цитадели уже был полон проникшими через пролом инсектами. Одни из них облепили дымящийся остов поверженного автоматными очередями промышленного робота, другие с опаской осматривали стройные насаждения металлических

кустов, третьи уже приступили к мародерству, обшаривая в поисках вожаковой добычи близлежащие помещения.

Их однорукий предводитель в окружении части отряда как раз заглядывал в трещину, которая образовалась в обшивке посадочного модуля, когда во двор с криком выскочил атакованный растением инсект.

Никто не видел, что случилось с ним внутри здания, но весь отряд мгновенно насторожился, каждый бросил свое занятие и замер, уставившись на раненого сородича.

Пробежав несколько десятков метров, тот вдруг зашатался, бешено замолотил по воздуху верхними конечностями и упал, отчаянно извиваясь.

Внезапно из-под его балахона потекла какая-то жидкость, и оттуда на свет выбился окслизлый клубок серебристых нитей.

Крики опрокинувшегося на спину существа мгновенно стихли. В гробовой тишине он с усилием приподнял свою голову, в немом изумлении взглянув на десятки тонких серебряных проволочек, прущих наружу из всех частей его тела, потом вдруг вскрикнул, несколько раз конвульсивно дернулся и затих.

Через минуту на том месте остался лежать лишь закутанный в мешковатый балахон хитиновый панцирь, окруженный плотными зарослями развившейся прямо на глазах изумленных наблюдателей металлической паутины...

Не в силах выдержать подобного зрелища, не понимая чего нужно бояться больше – насекомоподобных тварей или оккупировавшего здание растительного паразита, Антон в горячем полузабытии выполз из темного прохода.

У него больше не было сил даже на то, чтобы испытывать элементарный страх.

Впервые с момента катастрофы на борту «Терры» ему стало по-настоящему все равно – будет он жить дальше или умрет прямо здесь, на холодных и шероховатых каменных плитах.

Так или иначе, но проползти он смог лишь несколько шагов. Спасительная тьма обрушилась на полумертвого мальчика. Он потерял сознание.

ГЛАВА 3. ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ.

Отряд насекомых, несколько поредевший, но зато обремененный новой поклажей в виде бесценной добычи, которая состояла из нескольких порядком проржавевших автоматов, десяти непечатых цинков с патронами и множества электронных блоков аппаратуры, с корнем выданных из приборных консолей посадочного модуля, покинул стены разграбленной цитадели и углубился в лес.

Четверо ползущих на четвереньках насекомых, занимавших позицию в середине строя, несли на своих спинах сорванную с петель пластиковую дверь, к которой кусками изолированного провода были грубо прикручены два человеческих тела.

Это были капитан Белгард и Антон.

Капитан не приходил в сознание с момента жесткой посадки модуля, и насекомые, которые грабили покоренный корабль, нашли его пристегнутым к креслу.

Антон, впавший в беспамятство от ужаса и безысходности, временами приходил в себя, но разум мальчика упорно не хотел возвращения в эту страшную реальность. Ему всерьез угрожала опасность комы – этой самой крайней реакции травмированного организма на запредельные потрясения...

Насекомых, которые передвигались достаточно медленно, не заботило здоровье и моральное состояние двух пленников. Они были злы и устали от долгого перехода, непредвиденной задержки и тех опасностей, которым подверглись в стенах древнего человеческого сооружения. Рядовым членам этой разношерстной банды хотелось одного – добраться живыми до ближайшего города, где они смогут обменять полудохлых пленников на что-нибудь более ценное, например, на еду или оружие.

Однорукий инсект, двигавшийся во главе отряда, придерживался несколько иного мнения относительно судьбы двух захваченных людей. У него оказалось достаточно сообразительности, чтобы увязать присутствие двуногих с крушением странного летательного аппарата. Он всерьез надеялся, что получит гораздо большее вознаграждение от заинтересованных в информации Высших Насекомых, чем от тех, кто скупает мясо и рабов на рынках.

* * *

Антон в какой-то бессчетный раз медленно приходил в себя, и окружающий мир возвращался к истощенному мальчику, проступая сквозь плавающую у глаз плену стертymi, нерезкими очертаниями предметов и отвратительным кислым запахом, от которого мутило желудок.

Теперь Антон был твердо уверен, что именно так пахнет страх...

Он возвращался в реальность ненадолго и не по своей воле. Обычно ему хватало одного беглого взгляда вокруг да ощущения мерно покачивающейся под ним спины вонючего насекомого, чтобы его разум вновь провалился в спасительное забытьё...

Однако эти страшные минуты просветления, когда он выплывал из омута беспамятства, отпечатывались в его памяти липкими слайдами неизбежного страха, отвращения и неприятия того мира, что так навязчиво вторгался в его жизнь, окончательно ломая и без того хрупкий детский разум.

Если это был сон, то ему срочно нужно проснуться, если страшная сказка, то пусть она наконец кончится... Если...

Отряд шел...

Мерно покачивалась хитиновая спина...

Мерзкий запах лез в ноздри, и от него выворачивало голодный желудок...

Ребра пластиковой двери врезались в задеревеневшее тело, а под проволочными путами руки и ноги нестерпимо горели...

– Мамочка... – отчаянно шептали растрескавшиеся, пересохшие губы.

Антон не знал, что с того момента, как их модуль огненным шаром рухнул на эту страшную планету, прошло меньше двух суток. Он вообще потерял какое-либо представление о времени.

Отряд насекомых пересек лес, форсировал реку и вышел на равнину.

Мимо проплывали очертания каких-то безнадежно разрушенных временем построек, выполненных из черного материала, похожего на полированный пластик... Здания хоть и пострадали от времени, но все еще хранили на себе печать величественной, вдумчивой и какой-то печальной красоты...

Тут не было острых углов и ломаных линий. Плавные волны застывшего материала лениво текли к серым осенним небесам, витиеватые спирали шириной в десятки метров медленно закручивались в развязки дорог, кое-где на овалах террас виднелись голые ветви деревьев...

Все это было больше похоже на мемориальное кладбище величиной с целую планету, чем на руины. В мрачной гармонии черного города чувствовалась обреченность, и Антону хотелось кричать от этих картин...

...Где-то в серых небесах внезапно послышался монотонный стрекочущий звук, и у мутного горизонта сквозь пелену морозящего дождя проступили контуры трех приближающихся точек.

Хитиновые спины взволнованно зашевелились. Вокруг Антона, который как раз снова пришел в себя, раздались злобные лязгающие звуки, скрежет и шипение. Все это смешивалось со стрекотанием падающих из поднебесья машин, и помутившийся разум мальчика воспринимал лишь общий суматошный шум, в котором трудно было отличить рокот вертолетных моторов от металлического лязга затворов, звуков чужой речи и скрипа взводимых арбалетов...

Стремительные машины с оглушительным ревом пронесли над самой землей, разметав отряд насекомых, как порыв осеннего ветра разбрасывает кучу пожухлых сморщенных листьев. Звонко взвизгнули спущенные тетивы арбалетов, и вслед удаляющимся летательным аппаратам просвистели стрелы с тяжелыми начиненными взрывчаткой наконечниками...

Полумертвый мальчик, широко раскрыв глаза, безумным взглядом провожал силуэты трех вертолетов.

Готовый вырваться крик застрял где-то в пересохшем горле.

Ему показалось, что за прозрачными колпаками кабин он успел разглядеть хмурые человеческие лица!

Он не мог бежать, кричать или звать на помощь...

Он лишь обреченно смотрел вслед удаляющимся машинам. Они улетели...

Где-то далеко раскатисто ухнули взрывы упавших стрел...

* * *

– Внимание, база, докладывает борт ноль-ноль-два, повторяю: ноль-ноль-два... – Сержант Шевцов поправил дугу коммуникатора, сильнее прижимая наушник, чтобы можно было хоть что-то расслышать сквозь басовитый рокот моторов и свист рассекающих воздух лопастей. Холодный ветер с воем врывался в кабину через открытый проем двери, где за треногой крупнокалиберного пулемета с невозмутимым видом застыла сгорбленная фигура Дугласа.

– Ноль-ноль-два, слышу вас... – донеслось сквозь треск помех, – на связи...

– Вижу отряд противника, предположительно та самая банда, что разграбила наши посты у гаммы-четыре... Численность около восьмидесяти голов... – Сержант привстал, схватившись одной рукой за вертикальную стойку, а другой по-прежнему прижимая к уху дугу коммуникатора, и выглянул вниз, где по широкой улице древнего города разбежались, занимая всевозможные укрытия, фигурки инсектов. – Я хочу сделать их, лейтенант!.. – сквозь зубы выдавил он в микрофон коммуникатора.

Черная, гладко выбритая голова Дугласа, слившаяся в одну линию с пулеметным прицелом, энергично кивнула, одобряя реплику сержанта.

– Действуй по обстановке, ноль-второй, – прорвался сквозь треск помех далекий голос, – только не зарывайся, сержант, понял?..

– Не учи ученого... – удовлетворенно проворчал Шевцов, отбросив коммуникатор, который повис на длинном проводе. Он еще раз глянул вниз и постучал костяшками пальцев по шлему пилота.

– Разворот! – проорал сержант, стараясь перекрыть шум винта. – Передай остальным: работаем, как обычно!

Пилот энергично кивнул, произведя несколько переключений на приборной панели.

Стрекочущий шум мотора изменил свою тональность, и машина, кренясь на один борт, пошла в разворот, по широкой дуге обходя полуразрушенный черный шпиль древней постройки.

Сзади, в хвостовой части машины, медленно откинулась рампа, открывая широкую пасть десантного отсека, где, плотно прижавшись друг к другу, сидели шесть бойцов в камуфлированной серо-черной форме.

– Приготовились! – крикнул, появившись из-за переборки, сержант. – Со второго захода, после того, как причешем их!

Отдав распоряжение, Шевцов исчез. Десантники молча, со знанием дела зашевелились, поправляя снаряжение. На их спокойных, угрюмых лицах не наблюдалось даже тени волнения, лишь мрачная готовность сделать свою работу.

Обогнув здание, три вертолета, клонясь к земле тупыми носами пилотских кабин, устремились в обратном направлении. Словно страшные черные птицы, они ворвались в разлом центральной улицы древнего города, с обеих сторон ограниченный осыпавшимися стенами полуразрушенных построек.

Застывший в проеме люка Дуглас, не дожидаясь команд, привстал, широко расставив ноги, и ствол крупнокалиберного пулемета, укрепленного на треножном станке, резко нацелился вниз. Трудно было не заметить отсутствие сложного электронного прицела, вместо которого торчали лишь два кронштейна. Майклу Дугласу, вцепившемуся огромными ручищами в рукоять оружия, не было необходимости в дополнительном оборудовании. Он не признавал электронику, полагаясь лишь на свои способности...

Грохот короткой пулеметной очереди на миг заглушил все остальные звуки. Сноп пламени сопровождался звоном забарабанивших по полу кабины стреляных гильз, которые щедрой россыпью полетели от задымившегося кожуха, и впереди машины вдоль темного покрытия мощенной плитам улицы выросла строчка дымных султанчиков, настигая разбегающихся в панике инсектов.

Глаза Дугласа налились кровью.

Три вертолета неслись в ущелье улицы, подметая пространство перед собой шквалом разрывных снарядов. Те из инсектов, кто не успел занять позицию под прикрытием стен, падали, конвульсивно дергаясь, их хитиновые панцири рвало в клочья, пятная черную мостовую алыми брызгами...

В ответ по уходящим машинам хлопнуло несколько гранатометов, но реактивные снаряды прошли мимо, покалечив многострадальные древние стены. Злобно залаляли автоматы,

однако паника, деморализовавшая отряд, была плохим подспорьем при стрельбе по стремительным, низко летящим целям...

– Вперед! – коротко приказал Шевцов, оттолкнув Дугласа.

Сгруппировавшись, сержант выскочил в провал люка и покатился по выщербленной пулями мостовой, поливая пространство вокруг короткими отсекающими очередями. Вслед за ним из темного зева открытой рампы посыпалось отделение десантников. В кабине управления Майкл Дуглас сорвал со станины тяжелый ствол крупнокалиберного пулемета и, ухватив второй рукой похожий на ящик коробчатый магазин, сверкнул в сторону пилота ободряющей белозубой улыбкой.

– Сейчас я им сделаю судный день, мать вашу... – пообещал он, выпрыгивая в открытый люк.

Пилот второй «Кобры», машины, сохранившей свое название с тех незапамятных времен, когда люди еще только появились на этой планете, потянул штурвал, поднимая вертолет выше зоны огня. Воспроизводство тяжелых летательных аппаратов прекратилось около века назад с утратой многих технологий их изготовления, и все оставшиеся на вооружении людей «Кобры» и «Беркуты» – маленькие короткокрылые истребители – ценились уже не на вес золота. Мерилом их ценности был гораздо более дорогой и страшный эталон – человеческая кровь...

Подняв машину высоко над землей, пилот откинул специальные фиксаторы, и «Кобра» зависла, слегка покачиваясь из стороны в сторону под напором бьющих из-под широких лопастей потоков воздуха.

Взглянув вниз, где в теснине улиц между древних домов разгорался короткий жестокий бой, пилот достал сигарету и устало стянул с головы специальный мягкий шлем с укрепленными на нем коммуникатором и солнцезащитными очками...

Из-под потертого, выдавшего виды шлема, пропахшего чужим потом, на плечи пилота хлынул золотистый каскад волос.

Совсем молодая, едва ли достигшая своего семнадцатилетия выпускница летной государственной школы опять взглянула вниз, и ее губы, в которых мелко дрожала потухшая сигарета, искривились, отражая внутренние чувства подростка, который увидел в теснине улиц свое будущее...

Война была похожа на грязь, смешанную с дымом и кровью, и в ней не было ничего, что напоминало бы чисто вылизанный плац или показательный полет на выпускном параде...

* * *

Спрыгнув с подножки висящей у земли «Кобры», Майкл Дуглас крякнул, когда подошвы его рифленых армейских ботинок ударили о мостовую, и присел, спуская гашетку пулемета, который преданно загрохотал и забился в жилистых руках, разрывая узкое пространство между домов тугими плевками горячего металла.

Выскочившего из-за ближайшего угла инсекта перерубило пополам, и ошметья его хитинового панциря мокрыми шлепками забарабанили по стенам, оставляя на них красные пятна...

Пухлые губы далекого потомка африканских племен планеты Земля исказила хищная усмешка. Пружинисто выпрямившись, он рванулся вперед, туда, где основной бой, разделившись на короткие яростные схватки, конвульсивно бился в узких проулках.

Над головой Майкла противно взвизгнула, царапнув стену, арбалетная стрела, и ему в висок саданула горячая взрывная волна, несущая мелкую каменную крошку.

Инсекты, даже столь дикие, как эта банда, были злобными и бесстрашными противниками.

Не останавливаясь, Дуглас отер о плечо рассеченный мелкими осколками висок.

Две разумные расы по иронии злой судьбы так сильно ненавидели друг друга и так разительно различались по своей физиологии, что пленных никто не брал.

Это была война, ориентированная на полное истребление, и кто являлся в ней правой стороной, не мог с точностью утверждать ни один ученый-историк.

Просто двум расам оказалось тесно в рамках одной планеты, и никто не захотел или не смог уйти.

Может быть, какого-нибудь ксенолога и не устраивало такое объяснение происходящего, но Майкл привык довольствоваться малыми и простыми истинами.

Он вырос на этой войне, он играл со стреляными гильзами и слишком часто видел обглоданные хитиновыми челюстями человеческие черепа, чтобы мыслить как-то иначе.

Мир был жесток, и ему не приходилось прилагать особых усилий, чтобы мириться с этой очевидной истиной. Если не ты, то тебя, – этот жизненный закон был всосан с молоком матери. . . если у него вообще когда-то была мать, в чем Майкл очень сильно сомневался. Единственным родителем, которого он будет помнить до самой смерти, был похожий на павиана сержант в детской школе первой ступени. Он учил их, собранных по всей планете сирот, суровой правде жизни, и на поверку, как оказалось впоследствии, его пинки и побои были не самой страшной стороной действительности. . .

. . . Грохот близкого разрыва и тонкое пение уходящих на излет осколков заставили Дугласа остановиться и вжаться в стену.

Движения Майкла походили на исполненный скверным роботом танец – они были угловатыми и резкими, ствол станкового авиационного пулемета рывками перемещался от окна к окну, заглядывая в их темные провалы своим единственным глазом в поисках невидимого арбалетчика.

Внезапно Дуглас заметил, как в одно из боковых ответвлений центральной улицы, спасаясь от плотного автоматного огня, шарахнулась, огрызаясь короткими, экономными очередями из трофейного оружия, большая группа насекомых.

Оторвавшись от стены, Майкл крутанулся на месте, прошив огнем ближайшие проемы овальных окон, и ринулся за уходящим противником. Опытный глаз Дугласа сразу определил, что это ядро разгромленного отряда насекомых, – он узнал однорукого командира банды, который уводил остатки своих бойцов в глубь лабиринта улиц.

– Сержант, это Майкл. . . – прохрипел Дуглас в коммуникатор, врываясь вслед за насекомыми в узкую расселину бокового проулка. – Здесь Однорукий с группой бойцов. . .

– Понял, идем к тебе. . . Удержи его пару минут.

Дуглас нервно хохотнул, метнувшись в ближайшую дверь. Городские бои в развалинах городов насекомых всегда имели для него особый, пьяный привкус запредельного риска. Колченогие твари были тут на своей территории, и даже ведущие на верхние этажи пологие пандусы работали на них – гладкая обсидиановая поверхность наклонных плоскостей имела ряды конических выемок, приспособленных для тонких конечностей насекомых. Рифленые подошвы армейских ботинок скользили по ним, делая бойцов похожими на коров, попавших на лед. . .

Скользя и ругаясь, Майкл вскарабкался по пандусу на второй этаж полуразрушенного здания, оказавшись в длинном и низком помещении. Серый дневной свет проникал сюда сквозь ряд расположенных в стене овальных оконных проемов, освещая узкие спиральные подьемы, ведущие к обрушившимся внутренним балконам, которые лежали на полу кучами битого мусора. Петляя между ними, Дуглас пробежал в противоположный конец зала и выглянул в окно.

Отряд насекомых, состоявший из двух десятков бойцов, торопливо пробирался через завалы обрушившихся вниз этажей. За кучами битого камня, направив в узкий зев улицы автоматные стволы, засели два снайпера, готовые уничтожить перекрестным огнем любого, кто вздумал бы преследовать уходящих в глубь руин сородичей со стороны главной улицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.